

Говорит и показывает
Москва, 1976, апрель, № 17

Телевидение

ЧАС С АРКАДИЕМ ОСТРОВСКИМ

ПЯТНИЦА, 13 ФЕВРАЛЯ, 1 ПРОГРАММА, 22.45 (ЦВ.);
«ВОСТОК» — СУББОТА, 14 ФЕВРАЛЯ, 20.45;
«ОРБИТА» — ПЯТНИЦА, 13 ФЕВРАЛЯ, 21.30

Центральное телевидение посвящает песням А. Островского передачу. Их будет петь один из лучших исполнителей его песен, народный артист РСФСР Эдуард Хиль.

Яркая жизнь песен Аркадия Островского продолжается. Их поют дети, их берет с собой в дорогу юность, их любят взрослые. Но песни его не имеют возрастных границ. Его солнечные песни обращены к людским сердцам. Они зажигают их радостью, бодростью, оптимизмом. Сегодня мы впервые публикуем одно из последних интервью с Аркадием Ильичом.

Беседа осталась открытой. Больше с ним мне не пришлось встретиться. Не только мне. Никому. Он уехал в Сочи на первый в нашей стране Международный фестиваль песни. Это было в сентябре 1967 года. Накануне отъезда он выкроил время. Разговор был начат. Мы решили завершить его по приезде. «Я думаю, осталось немного», — сказал он. — Несколько фактов... Обязательно нужны факты: какие песни мы поем сегодня и почему мы их поем. Иначе трудно рассуждать на убедительность... Ну, о творческих планах тоже потом». Из Дома композиторов мы вышли вместе. Над Москвой кружило бабье лето.

С тех пор я не прикасался к этой записи. Возможно, не было повода. И вот теперь, когда на телеэкране вновь звучат его песни, я решил. Листая сейчас записную книжку, я с горечью понял, что эти заметки всего лишь эскиз какого-то большого разговора, который должен был произойти. Но как бы то ни было — с тех пор прошло вот уже девять лет.

— Это всегда интересно и загадочно — начало песни. Как это бывает у вас, Аркадий Ильич?

— Да, есть какая-то «нечеткость ощущения» в этом процессе. В самом деле, с чего она начинается — песня? Само собою, что предшествовать ей должно какое-то сильное жизненное удивление: человеческая судьба, событие, большая тема, особое настроение. А дальше? У каждого композитора, разумеется, свои творческие методы. Кому-то обязательно нужно сначала зажечься от поэтического слова; у других уже есть волнующие музыкальные образы, которые ждут своего слова.

— Вы хотите сказать, что первопричиной песни может быть и музыка, своеобразная музыкальная «заготовка», подобие тех самых «тонэм», которые являются музыкантам в момент импровизации?

— Да, многие мои песни складывались именно так. Сначала возникало настроение, ритмический узор (все это, сразу нужно сказать, происходило в границах определенной темы, которой ты взволнован, которую тщательно продумываешь и для которой пытаешься найти соответствующие звуковые очертания)... Вот проявляется легкий, едва уловимый мелодический контур, потом мелодия начинает «самодовлетель» — она захватывает, она начинает властвовать над всем. Под стать мелодии — форма, гармоническое одеяние. Уже есть ощущение будущей песни. В ней начинает биться пульс музыки. Теперь же новый этап — слово... Но лучше, конечно, когда песня рождается «с нуля» — совместно поэтом и композитором. Здесь больше шансов «поднять» тему. Сколько таких песен начиналось в совместном «бдении у рояля» с Львом Ошаниным, Инной Кашежевой, Зоей Петровой!.. Может быть, это самый трудный метод, но, пожалуй, самый верный.

— Песня готова. Что это значит — готовая песня? Когда же, как именно выносятся подобный «приговор»?

— Похоже, что мы несколько погружаемся в психологию творчества... Ну что же, во время работы наступает момент, когда ты слышишь песню как бы со стороны, уже как слушатель, то есть песня начинает волновать... Потом ты проверяешь ее звучание — и днем и ночью проверяешь собственны-

ми чувствами, вкусом друзей, опытом исполнителей. Но первое и последнее слово все-таки за авторами. Только им знать: готова ли? А получилась или нет — дело другое. Высший приговор — слушателей.

— Вы довольны исполнителями своих песен?

— Понимаете, ответить на этот вопрос отрицательно нельзя. Это все равно, что сказать: «сам дурак». Соавторов — а исполнитель один из важнейших членов песенного триумвира — мы выбираем сами. Я особенно назвал бы двух моих замечательных соавторов — Эдуарда Хиль и исполнителя коллективного: ансамбль Московского Дома пионеров под управлением Владимира Сергеевича Локтева. Это именно тот тип исполнителей, которые привносят в песню свои художественные и артистические принципы. Суть их — в стремлении уловить внутренний, не всегда легко определяемый песенный заряд и рассказать песню так, чтобы у слушателя оставалось ощущение жизненной правды, а не правдоподобия, естественности, определенности и искренности чувств.

— В чем вы видите развитие песенного жанра?

— Песня — явление живое, и на месте она, конечно, не топчется. По-видимому, мелодическое начало сохранится надолго. Но форма песни... Здесь столько возможностей. Песня-баллада, песня-панат, танцевальная песня (мне по душе танцевальные ритмы в песне), песня-пейзаж... С каким увлечением мы работали с поэтессой Инной Кашежевой и певцом Эдуардом Хилем над циклом «Полутона» мы словно бы пытались проникнуть в глубь жанра, мечтая открыть целый «пейзаж настроений» — негромкий, скользкий, чуть овевный печалью, под стать полотнам и самой музыке импрессионистов!.. А сколько ритмических рисунков подсказывает нам наша жизнь! Современная песня — это и сочная, густая и оригинальная гармония; это и яркий оркестровый наряд. Здесь нет предела, но есть опасность «за деревьями не увидеть леса»; за облачением — душу, характер. Три вещи, по моему, должны быть в песне вечными: задушевность, доходчивость, массовость.

— Приходит ли к вам желание сменить жанр песни каким-то более крупным по форме жанром?

— У меня есть несколько сюит, написанных на стихи Л. Ошанина, А. Софронова, Я. Беллинского... Почему меня интересует этот жанр? Чаще всего форму подсказывает тема. Ведь так не бывает: я хочу написать сюиту. А вероятно, бывает так: этот материал требует иной, более сложный, чем, скажем, песня, жанр. Крупная форма — это школа гармоничного мышления. А для композиторов-песенников это очень важно.

— Кто из современных композиторов близок вашим собственным творческим принципам и представлениям?

— Прежде всего я назвал бы Дунаевского. Он научил меня очень смелому в творчестве принципу: писать нужно в полнейшем убеждении, что до тебя этого никто не делал. А написав, проверить собственное «чутьем», насколько сделанное тобой ясно, красочно, искренно. Я видел черновики его клавиров и партитур. Поразительно, с какой неукротимостью, придирчивостью, я бы сказал, злостью, он выправлял, назалось бы, вполне законченные куски, тем самым доказывая, что пути к совершенству неисповедимы. Это во-первых. И что совершенству предела нет. Это во-вторых...

...Здесь запись прерывается. Дальше в записной книжке только чистые листы. До самого конца.

В. ГУСАРОВ